

© 2008 г.

Г.Р. ЯРСКАЯ–СМИРНОВА, П.В. РОМАНОВ, Е.П. АНТОНОВА
ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ НАД ДЕТЬМИ: СТРАТЕГИИ ОБЪЯСНЕНИЯ
И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ¹

ЯРСКАЯ–СМИРНОВА Елена Ростиславовна – доктор социологических наук профессор кафедры социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета. РОМАНОВ Павел Васильевич – доктор социологических наук профессор той же кафедры. АНТОНОВА Екатерина Петровна – кандидат социологических наук, ассистент.

Безопасность детей: буква закона и установки общества. Казалось бы, наиболее безопасное для детей место – это собственный дом и семья. Однако, факты ставят это утверждение под сомнение. В США регистрируется примерно 1400 случаев гибели детей, причиной которой стали действия (в том числе, и преступное бездействие) взрослых. А по оценкам Университета Теннесси, ежегодно в США по вине взрослых погибают до 4 тыс. детей, кроме того, фиксируется до 116 млн. случаев дурного обращения с детьми [1].

По данным российской статистики, от двух до двух с половиной тысяч детей ежегодно погибают от домашнего насилия, около 2 миллионов несовершеннолетних в возрасте до 14 лет избивают родители, более 50 тыс.

¹ Статья написана по итогам исследований, проводившихся в рамках проектов «Потребности детей, пострадавших от насилия» и «Проактивный подход к решению проблемы насилия в отношении детей: анализ ситуации и формирование политики межсекторного взаимодействия» при поддержке программ Tacis Institution Building Partnership Programme (IBPP) и «Диалог» (IREX, CAF, USAID). В сборе данных принимали участие О. Бендина (Саратов), Л. Чеглакова, Я. Крупец (Самара), С. Демиденко (Ижевск), И. Моренко (Казань). Координатором исследований выступил Центр социальной политики и гендерных исследований (Саратов).

детей ежегодно убегают из дома, спасаясь от жестокого обращения, 25 тыс. из них находятся в розыске, около 2000 ежегодно сводят счеты с жизнью, более 50% преступлений в быту совершается в присутствии детей, 30-40% всех тяжких насильственных преступлений в России совершается в семье. Число беспризорных в нашей стране продолжает расти, оно уже достигло 3-4 млн. [2].

Создана правовая база для профилактики и борьбы с этим опасным явлением создана [3]. В 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята всеобщая Декларация прав человека, которая явилась международным актом, провозгласившим права и свободы человека. Каждый человек (женщины, мужчины, дети) имеет право на жизнь без насилия. В 1959 г. ООН приняла Декларацию прав ребенка, объявив, что ребенку принадлежат все права, указанные в Декларации прав человека. В 1989 году Генеральная Ассамблея ООН одобрила международную Конвенцию о правах ребенка, которая вступила в СССР в силу в 1990 г. Целый ряд статей Конвенции легитимируют специальные меры для признания прав ребенка на здоровое развитие, защиты его от разного рода посягательств, включая жестокое обращение и сексуальное совращение, обеспечения помощи детям, пострадавшим от насилия, в том числе совершенного родителями.

В отечественном законодательстве предусмотрены соответствующие статьи, в том числе в Конституции Российской Федерации, Семейном (1995) и Уголовном (1996) кодексах, законах об образовании (1992), об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации (1998). За последние 17 лет был принят обширный свод законов, указов Президента РФ и постановлений правительства, направленных на обеспечение основных прав детей и женщин: об охране здоровья граждан, охране труда, основах социального обслуживания населения, дополнительных гарантиях по социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, основах

государственной системы профилактики безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних.

Жестокое обращение с детьми осознается как социальная проблема далеко не везде и не всегда. Опросы свидетельствуют о толерантности общественного мнения в отношении к телесному наказанию. В 2006 г. в трех городах России (Ижевск, Самара, Саратов) нами было проведено исследование, включавшее уличный экспресс опрос горожан, анкетирование школьников и родителей, а также интервью со специалистами. В экспресс-опросе приняли участие 1783 человека, в том числе 842 родителя несовершеннолетних детей. Оказалось, что каждый третий из опрошенных знает о случаях жестокого обращения с детьми, причем почти половина считает телесные наказания недопустимыми, треть респондентов полагает, что применять такие меры следует в зависимости от ситуации, а примерно один из десяти опрошенных считает, что бить детей можно.

Почти половине родителей (45%) приходилось наказывать своих детей: людям среднего возраста (36-50 лет) чаще остальных (примерно 57%). Те, кто помоложе (18-35 лет), немного отличаются от поколения своих родителей: 43% людей этого возраста воспитывают детей, прибегая к различного рода наказаниям. Наиболее гуманными выглядят пожилые люди – лишь треть из них сообщили, что когда-то наказывали детей. Из всех ответивших чаще наказывают женщины (64%), а не мужчины (37%). Ведь женщины в среднем намного больше времени проводят с детьми: по данным В.А. Артемова, женщин в 2-3 раза больше тратят времени по уходу за детьми, чем у мужчин [4]. Мужчины и женщины прибегают примерно к одним и тем же мерам наказания, различия здесь несущественны. По данным опроса, свыше 30% применяют телесные наказания, причем большинство используют достаточно жесткие меры: порку ремнем, избиение. А те, кто воздействует на ребенка только спокойным словом, беседой, оказалось лишь 14%.

Известно, что способы воспитания устойчиво передаются из поколения в поколение, так как дети, вырастая, усваивают те же воспитательные приемы и меры, которые применяли к ним родители. Опрос подтвердил: те, кого в детстве родители часто наказывали, склонны поступать также. Особо ярко это проявляется среди родителей, имеющих детей в возрасте до 18 лет. Чем чаще наказывали респондента в детстве, тем шире, по его мнению, распространено телесное наказание в современном обществе, тем оно более допустимо и оправдано разными обстоятельствами. Кого в детстве не наказывали, более уверенно говорят о неприемлемости физических воздействий. Значит, у их детей больше шансов на спокойное и радостное детство. Но, конечно, отношения родителей и детей зависят не только от семейных традиций. Ведь семья подвержена многочисленным рискам современного общества.

Мы задавали проходим вопрос, что они предпримут, если окажутся свидетелями жестокого обращения с ребенком. Примерно 30% опрошенных сказали, что не будут вмешиваться в происходящее, считая это внутренним делом семьи; по их мнению, родители сами знают, как поступать. Почти 70% постараются остановить насилие, вмешаются и постараются как-то помочь ребенку. Правда, более конкретно представляют себе свои действия чуть более 14%. Половина из них думают, что своей силой прекратят физическое насилие над ребенком и еще столько же попытаются обратиться в соответствующие органы (службы социальной защиты, милицию, администрацию школы, к воспитателям детского сада, в общественные организации). Означает ли это, что в России отсутствует эффективная система охраны прав детей?

С одной стороны, россияне в большинстве своем нетерпимы к жестокому обращению с детьми и равнодушны к страданиям ребенка: из трех человек двое сообщили, что вмешаются, увидев, как родитель бьет свое дитя, а третий пройдет мимо. С другой стороны, эти представления

достаточно противоречивы: телесные наказания в качестве воспитательной меры применяются в каждой второй семье, и лишь половина опрошенных считают их недопустимыми.

В нашем исследовании, кроме того, был проведен опрос 700 школьников в возрасте от 8 до 14 лет в Саратове, Самаре, Ижевске, Казани, а также 510 родителей детей того же возраста в Саратове, Казани, Ижевске. Нашим юным респондентам хорошо известно о том, что в семьях практикуется физическое насилие над их сверстниками. Около 57% школьников по всей выборке сказали, что знают о таких случаях. Около 60% опрошенных родителей знают, что в знакомых им семьях бьют детей. Лишь 12% взрослых ответили, что детей в знакомых семьях не бьют. При этом, каждый второй из опрошенных школьников оправдывает такое поведение взрослых.

Практически все опрошенные родители полагают, что применение физических наказаний это воспитательная мера – с таким вариантом ответа согласились почти все респонденты.

Будет ли ребенок отстаивать свои права? По законодательству несовершеннолетние до четырнадцати лет могут обратиться с жалобой в органы опеки и попечительства, а после четырнадцати – в суд. Большинство опрошенных нами школьников не собирались жаловаться на своих родителей. Такое желание возникло только у 16% юных респондентов.

Для того чтобы защитить несовершеннолетних необходимо пересмотреть культуру воспитания, а для этого необходимо активное участие профессионалов.

Мифология домашнего насилия над детьми: установки специалистов. Сегодня в профессиональной практике применяется целый ряд разработанных в России и за рубежом приемов выявления фактов насилия и обследования состояния детей. Несмотря на это, жестокое

обращение с детьми продолжает оставаться закрытой темой, не только в СМИ, но и в образовательных учреждениях, социальных службах, учреждениях здравоохранения и юстиции. Задачей нашего исследования стало выявление особенностей и болевых точек в функционировании системы по разрешению проблемы домашнего насилия. В ходе реализации проекта в 2006 г. было проанализировано 41 интервью по двадцати случаям жестокого обращения с детьми в Саратове, Ижевске и Казане. Материалы собирались в стратегии мультиметодического кейс-стади, с использованием методов интервью, наблюдения, анализа документов².

Практически все информанты продемонстрировали ярко выраженную негативную реакцию по отношению к насилию и высказывались с осуждением: *«наказывать ребенка не стоит, во всяком случае, физически, всё-таки не в каменном веке живём...»* (педагог, ж., 48 лет)³; *«дети, по сути, очень безобидные существа, поэтому поднимать руку на них – это вообще очень низменные поступки...»* (юрист, м., 36 лет). Информанты объясняют жестокость, во-первых, на индивидуальном уровне, отклонением от нормы в личностном развитии родителей, которые *«больны психически»* (психолог, ж 36 лет), особенности личных взаимоотношений в семье: *«это может быть и полная семья, и папочка есть, но какие-то недомолвки, ссоры, скандалы, непонятие или непринятие, или какая-то другая женщина, именно такие межличностные проблемы и опять же буфером являются дети»* (психолог, ж., 34 года). Второй тип объяснения – специфика культуры родительства – связан с указанием на распространенные практики воспитания, приемы разрешения конфликтов, которые таковы, что они провоцируют или поощряют насилие, не могут его предотвратить, родители педагогически неподготовлены: *«наше наказание идет от бессилия, собственной*

² Всего было собрано 41 интервью, в том числе, у 8 психологов, 12 социальных педагогов, 4 педагогов, 6 медицинских работников (врачи и медсестры), 2 инспекторов комиссии по делам несовершеннолетних, 6 юристов, 3 специалистов социальной работы.

³ Здесь и далее в ссылке на прямую речь информанта указывается профессиональный статус, пол и возраст.

несостоятельности ... мы не можем найти нужные слова, нужные методы, гуманные...» (учитель, ж., 45 лет)

Третий тип легитимации полагает жестокое наказание за провинность ребенка: *«бывают случаи, когда дети сами доводят, у меня были случаи, когда я очень строго наказывала своих детей и только сейчас понимаю, что, наверное, это тоже было насилие в отношении них»* (психолог, ж., 52 года). К числу таких проступков можно якобы отнести и общую школьную неуспеваемость детей: *«ребенок получил двойку, мама... и обругала, ... и лишила там чего-то»* (учитель, ж., 45 лет), и так называемую общую неуправляемость детей: *«есть дети и гиперактивные и гиперпассивные, и очень невнимательные, и очень неусидчивые»* (психолог, ж., 34 года). Психологи и педагоги истолковывали трудные отношения в семье как следствие возраста: *«подростковый период очень сложный ... и родители не всегда правильно на него реагируют, из-за этого происходит конфликт»* (социальный педагог, ж., 48 лет).

Четвертый тип объяснения – структурные причины, связанные с качеством жизни домохозяйств как фактором жестокого обращения с детьми. Перегрузки и стрессы из-за необходимости подрабатывать, чтобы свести концы с концами, бытовой неустроенности, низкой материальной обеспеченности, когда *«нервы сдают, потому что приходится работать на нескольких работах для того, чтобы просто выжить»* (педагог, ж., 53 года). Говорилось и о том, что жестокость якобы чаще регистрируется в монородительских семьях. Так, по мнению психолога, *«в неполных семьях, в которых главой, как правило, выступает мать, эмоциональное напряжение очень высоко, поэтому часты случаи физического наказания детей»* (психолог, ж., 36 лет). Материнские семьи преобладают среди монородительских домохозяйств, возможно, этим и объясняется частота физического наказания детей со стороны матери. С другой стороны, в таких домохозяйствах зачастую проживает незарегистрированный партнер матери,

который может проявлять агрессию в отношении детей. Таким образом, специалисты возлагают ответственность на мать даже в том случае, когда не она является источником насилия.

Основная масса интерпретаций связана, во-первых, с оправданием насилия – ввиду перегрузок родителей на работе или плохого поведения детей, а во-вторых, с укорененностью данных практик либо в личных особенностях родителей или детей, либо в культурных традициях воспитания подрастающего поколения. Все объяснительные схемы, используемые специалистами в определении причин и характера насилия, можно метафорически представить в виде нескольких мифов.

Миф «дети как источники проблем» утверждает, что «дети сами провоцируют насилие». Это широко распространенное убеждение выводит нас на социальные стереотипы инфантилизации жертвы насилия, которые коренятся в многочисленных культурных текстах и практиках. Провокация насилия означает, что если бы ребенок (подросток) вел себя по-другому: помогал бы по дому, вел себя достойно, то его не нужно было бы «наказывать». Это объяснение рассыпается, если его попытаться применить к ситуации избияния иностранного студента, который «спровоцировал» расистов только лишь цветом своей кожи и разрезом глаз. Миф «провокация» фокусирует внимание на особенностях и действиях пострадавшего ребенка как причине негативного поведения старших и утверждает, что именно поведение жертвы приводит к насилию. Данные исследований доказывают, что дети могут всякими способами стремиться угодить обидчику, который все равно найдет повод для применения агрессии.

Миф «нетипичная семья» объясняет жестокое обращение с детьми демографическими характеристиками и социальным статусом семей. Считается, что так называемые «неполные семьи» демонстрируют наиболее насильственные практики. Частота физического наказания в семьях связана в

меньшей степени с характером домохозяйства, но в большей степени с культурными практиками воспитания, способами управления гневом и раздражительностью, которые, распространены не только в бедных семьях группы риска, но и в более обеспеченных.

Миф о «пьянстве, порождающем агрессию» ищет корни насилия в алкоголизации родителей. Употребление алкоголя снижает способность контролировать поведение, но среди обидчиков есть мужчины и женщины, ведущие здоровый образ жизни, не признающие табак или алкоголь. Некоторые, пройдя лечение от алкоголизма, продолжали быть агрессивными и жестокими по отношению к близким. Многочисленные исследования, проведенные за рубежом, подтверждают тот факт, что алкоголь не является причиной насилия, но используется обидчиками в качестве оправдания агрессивного поведения [5].

Миф о «неизбежности зла» утверждает, что бороться с домашним насилием бесполезно, поскольку оно широко распространено, существовало везде и всегда. Однако данные криминальной статистики свидетельствуют об обратном – по официальным данным Всемирной организации здравоохранения, в Европейском регионе в результате убийств или физического насилия ежегодно погибают более 1300 детей, причем внутри региона данные различны. Этот показатель в странах СНГ почти втрое выше, чем в странах Европейского союза, где система борьбы и профилактики домашнего насилия развита очень хорошо [6]. Этот факт еще более усугубляется тем, что в отличие от других стран, в России отсутствуют механизмы, в том числе и законодательные.

«Дела семейные...» Проблем функционирования системы профилактики. На основе анализа данных интервью и документов мы смогли сделать вывод о том, что случаи, дошедшие до специалистов, а затем и до суда, являются чрезвычайно жестокими: на теле заметны обширные

синяки, ожоги, и даже травмы, сопряженные с риском для жизни ребенка: *«мы имеем дело с детьми, которые уже от безвыходности бегут, куда-то обращаются, то есть это такие дети, которые для себя сами определяют, что над ними осуществляется насилие...»* (психолог, ж., 45 лет). Осознание ребенком неправоты поступков родителей оказывается симптомом крайней степени жестокости, ведь известно, что многие дети терпят физические наказания, полагая, что сопротивляться не имеют права, а, также опасаясь потерять любовь немилосердного родителя. В реплике респондента слышится пресловутый заявительный принцип оказания услуги – пока сам ребенок не прибежит (а произойдет это в самом крайнем варианте), случай жестокости выявлен не будет. Обращение соседей или других свидетелей здесь не упоминается, очевидно, такая практика не распространена. Кроме того, эта цитата указывает на чрезвычайно острую проблему низкой эффективности предотвращения жестокого обращения с детьми.

Даже при явных следах жестокого обращения с детьми выстроить доказательную базу очень сложно. Во-первых, по причине сложности и подчас даже невозможности вмешательства в приватную сферу. Во-вторых, из-за трудностей прерывания цикла насилия ввиду созависимости членов семьи: *«дела семейные сложно доказуемые, кроме этого, очень часто заявление забирается раньше, чем дело будет возбуждено»* (инспектор ПДН, ж., 29 лет). В-третьих, из-за отсутствия адекватных альтернатив в виде замещающей семьи, нежелательности помещения ребенка в детдом и опасений самого ребенка, с одной стороны, лишиться семьи и дома, с другой стороны, быть наказанным за «жалобу» на родителей: до того, как специалисты получают *«разрешение на изъятие ребенка из семьи для временного пребывания в приютах, до решения суда по лишению прав, родители проводят такую работу по запугиванию с детьми, что они рассказывают только радужные сказки, как им хорошо жилось с мамой»* (психолог, ж., 36 лет). В-четвертых, из-за неотлаженности цепочки действий

по освидетельствованию жестокости: *«прошло достаточное время, и синяки и ссадины давно прошли, – а без заключения судебно-медицинской экспертизы дело разваливается»* (инспектор ПДН, ж., 29 лет).

Специалисты единогласно отмечали важность и актуальность поддержания дискуссии о насилии над детьми в обществе, резко критикуя неправильную, на их взгляд, подачу информации средствами массовой информации. Журналисты детально описывают факт жестокого обращения, показывают несчастные лица детей и пьяные лица родителей, вместо того, чтоб продемонстрировать, что было сделано для наказания виновных. Средства массовой информации, телевидение, кино, освещая жестокость обращения с детьми в семьях, по мысли наших информантов, лишь провоцируют агрессию. Сегодня *«в газетах, в журналах, в передачах идет негатив, то есть утром включаешь телевизор ... складывается впечатление, что ничего хорошего в мире не происходит...»* (социальный педагог, ж., 53 года). А на телеэкранах должны демонстрироваться положительные примеры внутрисемейных отношений, потому что основная цель социальной политики – сохранить семью, научить людей уживаться в созданной ими маленькой общности.

Наши собеседники считают, что политика средств массовой информации должна измениться: проблема, о которой снимается сюжет, должна выглядеть разноплановой, а не однобокой. Следует объяснять детям свои права, и научить их отстаивать. Дети должны уметь ими пользоваться, а не злоупотреблять, именно пользоваться. (из бесед со специалистами социально–реабилитационного центра в г. Балаково Саратовской области). С точки зрения специалистов, инициатором подобных программ должны выступать юристы.

Безусловным прорывом в работе профессионалов является признание существования такой формы насилия, как психологическое или эмоциональное. Сравнительно недавно, около пяти лет назад считалось, что

существуют только две формы насилия – физическое и сексуальное, и, несмотря на то, что в литературе упоминалась такая форма как эмоциональное насилие, мало кто представлял даже среди профессиональных психологов, как его распознать и как работать с его последствиями.

Выяснилось, что профессиональные сети поддерживаются слабо, особенно это касается районных центров. В некоторых учреждениях крупных городов до сих пор сохраняется табу на обсуждение темы домашнего насилия над детьми с чем столкнулись исследователи во время изучения данного социального явления. Негосударственные организации, по мнению опрошенных специалистов, являются более прогрессивными, в том числе, владеют методами работы с пострадавшими. Обмен такими наработками был бы очень полезен сотрудникам государственных учреждений: *«Столкнувшись с проблемой, мы всегда начинаем искать какие-то способы её безболезненного для ребёнка решения, начинаем метаться, а ... имеющиеся наработки – это бы здорово облегчало нам задачу»* (психолог, ж., 52 года).

Среди обычных жителей, соседей, знакомых, как полагают информанты, данная проблема замалчивается, поскольку многие считают, что дела семейные их не касаются. К таким обывателям относят себя и некоторые наши респонденты: *«это не наше дело, это их дела семейные, ну постучу я, и что...он не прекратит издеваться над ребёнком – это точно, а меня либо обольёт чем-нибудь, либо пошлёт, ну и зачем мне это нужно!»* (психолог, ж., 34 года). Респонденты сетовали на бездействие простых граждан, которые, оказываясь свидетелями жестокого обращения, своим молчанием потакают агрессии: *«очень много показывают насилия ... мы просто привыкли, и даже не отличаем реальную жизнь от телеэкрана... когда мы идем по улице и видим, что лежит человек, о чём мы думаем, что он уже напился, а ведь это не всегда так, так и в случае с детьми, когда их*

бьют за стенкой...» (инспектор ПДН, ж., 29 лет). Только у пожилых людей, по мнению респондентов, сильно развита гражданская позиция, от них можно ожидать помощи в защите ребенка. Граждане, во-первых, слабо информированы о проблеме домашнего насилия над детьми, во-вторых, толерантно относятся к этому явлению, в-третьих, не знают о тех инстанциях и специалистах, которые призваны предотвращать и искоренять данное зло. Между тем, агрессоры нуждаются не только в карательных санкциях, но и психологической помощи.

Рассуждая о функционировании системы профилактики и правосудия, наши собеседники имели возможность не только критиковать существующую систему, но и предложить способы её совершенствования. Все специалисты достаточно хорошо представляют себе, как действует система, возможно, это связано с тем, что разъяснительная работа в целом ряде областей усилилась. В Саратовской области Комитетом по делам несовершеннолетних при правительстве области были разработаны рекомендации, которые разосланы во все учреждения, включенные в работу по профилактике домашнего насилия, расследованию таких случаев.

Основным недостатком в организации профилактики домашнего насилия специалисты считают несовершенство системы правосудия. Во-первых, возникают сложности с возбуждением уголовного дела по статье «жестокое обращение с детьми»: *«очень часто нам говорят, что мы сильно драматизируем...»* (психолог, ж., 34 года). Во-вторых, сложности в построении доказательной системы и разных критериях в понимании вины у разных инстанций: *«мы, социальные учреждения, ПДН, органы опеки и попечительства..., работаем слаженно, а вынесут приговор... – ужас охватывает от такой несправедливости»* (социальный педагог, ж., 52 года). Социальные педагоги, психологи и учителя считают, что способы наказания должны быть более гуманными, например, проведение семейного консультирования, групповая работа. Система штрафов, по мнению

специалистов, тоже не эффективна, потому что *«семьи, как правило, нуждающиеся, и удар рублем, несомненно, отразится на ребенке. Наказывая виновников, мы наказываем пострадавшую сторону»* (социальный педагог, ж., 52 года). Несмотря на то, что все эксперты отметили несовершенство системы правосудия, лишь немногие из них настаивали на уголовной ответственности, связанной с отбытием срока, такую точку зрения высказывали юристы и инспектора ПДН. Самым действенным толчком для начала функционирования данной системы являются тяжкие последствия, наступившие вследствие жестокого обращения. В проекте были собраны не только те случаи, которые дошли до суда, и по которым был вынесен приговор, но и те, которые остались без внимания прокуратуры. Общей чертой для большинства случаев является то, что они сопряжены с нанесением побоев несовершеннолетним. Был рассмотрен случай, который инкриминировался как факт жестокого обращения, – алкоголизация ребенка.

Проанализированные истории иллюстрируют пробелы в функционировании межведомственной системы, которая не всегда действует эффективно и в интересах детей. С нашей точки зрения, это обусловлено рядом факторов. Хотя подозрения о совершаемом преступлении в отношении несовершеннолетних и возникают у социальных педагогов, медицинских работников и учителей, но они не стремятся инициировать дела по насилию с детьми, боясь испортить престиж организации. Так, «выносить сор из избы» не захотели и в одной из детских поликлиник. Врач обнаружила случай сексуального насилия над девочкой–подростком, однако, ждала, *«пока ребенку не исполнится 18 лет, и тогда это будет уже "не их случай"»*. Похожую историю рассказал и педагог одной из школ. Формализм в работе некоторых специалистов выражается в их стремлении поскорее снять с себя ответственность. Многие дела не рассматриваются по настойчивым просьбам родителей. С одной стороны, необходимо сохранить семью, ведь ребенок может оказаться в детском доме. С другой стороны, чувствуя слабинку

системы и собственную безнаказанность, родители дают волю своим кулакам, нанося психике ребенка непоправимый вред, а порой и угрожая его жизни.

И получается, что жестокое обращение с детьми привлекает систему правосудия только в тех случаях, когда имеются тяжкие последствия. В таких ситуациях инициатором возбуждения уголовного дела выступают медики, которые при обнаружении следов побоев, сразу сообщают в органы внутренних дел.

В первую очередь виновника/цу жестокого обращения с ребенком стараются наказать, однако это не решает проблему. Действия прокуратуры по назначению штрафа или иного административного взыскания необходимо объединять с усилиями социальных служб и учреждений образования. 180 часов обязательных работ можно было бы заменить тем же количеством посещений психолога, который бы проводил со своими клиентами семейное консультирование, помогая родителям и их детям понять друг друга. В настоящее время замена наказания на психологическое консультирование законом не предусмотрена.

Большинство дел о насилии над детьми в семье не доходят и до милиции по разным причинам, например, в школе директор не хочет портить репутацию своего учебного заведения и оставляет случай с избиением ребенка без внимания – *«зачем школе нужно черное пятно, если во всем поселке будут говорить о том, что есть такие дети. Стараются, чтобы все было шито-крыто, чтобы все было благополучно»* (учитель, ж., 31 год). Родители же просто отказываются от показаний. Кроме того, очень низка социальная ответственность соседей, родственников – всех тех, кто может увидеть или услышать, как избивают ребенка. Психологи говорят, что *«если поступила такая информация (о домашнем насилии над ребенком) в милицию, то, конечно, оттуда сообщают нам»* (психолог, ж., 29 лет), но

часто информация замалчивается. Это значит, что психологи не всегда могут оказать помощь пострадавшим детям и их родным.

При обсуждении материалов кейсов речь шла только о насилии, направленном против детей, а ситуация с детьми–свидетелями специалистами пока что не принимается в качестве потенциальной для профессионального вмешательства. Между тем, дети, ставшие свидетелями насилия, например, отца, издевающегося над матерью, переживают так называемую «вторичную виктимизацию». Они также имеют склонность к агрессивному поведению в детстве и подростковом возрасте. Результаты исследований, проведенных в США, показали, что в семьях, где женщины подвергаются насилию со стороны мужей, дети также становятся объектами насилия (от 30 до 60 % семей). Эти данные подтверждаются и российскими исследованиями [6]. Реакции детей на насилие различаются в зависимости от их возраста, пола и социальной поддержки, которая им предоставляется. Но те дети, которые являются и свидетелями, и объектами насилия, имеют наиболее серьезные поведенческие проблемы. Насилие – это усвоенная в процессе социализации модель поведения и потому является настоящей эпидемией, распространяющейся от одного поколения к другому [7].

Анализ полученных в исследовании материалов указывает на то, что система профилактики и искоренения насилия в отношении детей в России постепенно начинает работать. В отдельных случаях результатом является прерванный цикл насилия и нормализация внутрисемейных отношений. Вместе с тем есть свидетельства, которые раскрывают пробелы системы. Профилактике насилия не хватает системности. Средства массовой информации, милиция, социальные работники, социологи, психологи, социальные педагоги и медики – все профессионалы, – учреждения и гражданское общество могут и должны выступать единым фронтом против насилия над детьми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Защита ребенка. Американский алгоритм. Washington ProFile 20–06–2006.
<http://www.washprofile.org/> Цитируется по:
<http://www.owl.ru/content/news/worldwide-2006/p60489.shtml>
2. Независимая информация и аналитика. № 92 (492) от 12.08.2006; Совет при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека.
<http://www.sovetpamfilova.ru/made/news/1484/>
3. *Рокицкий М.Р.* О предотвращении жестокого и безответственного отношения к детям // *Права ребенка*, 2001, № 1. С. 18.
4. *Артемов В.А.* Тенденции изменения повседневной деятельности населения в 1970-1990-е гг. // *Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы* / Отв. ред. *Т.И. Заславская, З.И. Калугина*. Новосибирск: Наука, 1999. С. 573-593.
5. *Синельников А., Пискалова М.* Домашнее насилие как объект социальной работы // *Социальная политика и социальная работа: гендерные аспекты* / Под ред. *Е. Ярской-Смирновой*. М.: РОССПЭН, 2004. С. 220.
6. *Синельников А.* Выученные уроки: подростки и проблема насилия в семье // *Обыкновенное зло: исследования насилия в семье* / под ред. *О.М. Здравомысловой*. М.: УРСС, 2003; Пресс-релиз Европейского регионального бюро Всемирной организации здравоохранения. Копенгаген и Женева, 15.03.2005.
http://www.euro.who.int/mediacentre/PR/2005/20050315_1?language=russian
7. *Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 г.* / *Н. Римашевская, Д. Ванной, М. Малышева* и др. М.: Academia, 1999. С. 6.